

Вы фасоли купить пришли? У меня? Так ведь фасоль в любом магазине найти можно. Да вы заходите, заходите. Собак боитесь? Не стоит их бояться. Они вас только обнюхают. Кто первый раз приходит — непременно обнюхивают. Откуда мне знать? Я их этому не учил. Они сами. Собаку, как и человека, — не разгадаешь. У вас есть собака? Надо завести. От собак много чему научиться можно. Ну, сидеть, Рекс, сидеть, Хват! Место!

А кстати, как вы сюда добрались? Ко мне не так легко добраться. Тем более сейчас, в не-сезон. Сейчас даже спросить обо мне, и то не у кого. Видели — в домиках ни души. Давно все разъехались. Да и мало кто знает, что я тут живу. А вы за фасолью. Я, собственно, немного сажаю, но только для себя, а мне — много ли надо? Как и всего остального. Моркови, свеклы, лука, чеснока, петрушки — чтоб свое было. И потом, должен вам сказать, я не боль-

шой любитель фасоли. Есть — ем, я вообще практически что угодно съесть могу. Но не любитель. Иногда сварю себе фасолевого супу или приготовлю фасоль по-бретонски — так, время от времени. А собаки фасоль не едят.

Раньше — да, здесь сажали много фасоли. Не знаю, известно ли вам, что когда-то фасоль заменяла мясо. А если человек столько работает, сколько тут работали — с утра до вечера, ему без куска мяса никак нельзя. Уж не говоря о том, что и из города за фасолью часто приезжали. Не только за фасолью, но фасоль больше всего покупали. Да, во время войны, когда здесь была деревня. В городах тогда народ с голоду пух, сами знаете. Почти каждый день на станцию телеги посылали за городскими. Станция в нескольких километрах отсюда. Потом обратно отвозили. Покупатели примерно как сейчас обычно приезжали, поздней осенью. Во всяком случае, больше всего их в это время бывало, когда поля уже все убраны. Фасоль, если кто успевал вылущить, всю до последнего зернышка забирали. Бывало, еще не подсохнет, а ее уже повсюду луцат, чтобы успеть. Целыми семьями лутили. С рассвета до поздней ночи. Иной раз в полночь выйдешь на двор — окна в деревне светятся. Особенно если урожай. Фасоль же, как и все остальное:

когда уродится, а когда и нет. Чтобы фасоль уродилась, год должен быть хорошим. Она не любит, если солнца слишком много. Солнца слишком много, значит, дождей мало. И сгорит фасоль. Опять же, когда слишком много дождей, сгниет, не успев взойти. Хотя бывает — и год вроде хороший, а каждый второй стручок либо пустой, либо зерна ржавые. И не поймешь почему. Вроде фасоль, а тоже у нее свои секреты.

Вы, может, сюда приезжали в те годы, покупали? Но тогда я бы вас, наверное, узнал. Я почти всех городских знал, которые приезжали. Много фасоли у нас сажали, так что желающих купить ее перебивало немерено. Но память на лица у меня с детства хорошая. Известное дело: что в детстве запомнишь, то на всю жизнь останется. Конечно, вы тогда были молоды, одевались иначе. В ту пору покупатели чуть не в лохмотьях приезжали: есть что надеть, нет ли — все одевались поплоче, чтобы не вызывать подозрений. Поезда ведь обыскивали, отбирали у них. Одно название — покупатели. А теперь вон пальто у вас, шляпа, шарф. У меня когда-то была похожая коричневая фетровая шляпа и пальто такое. И шарф, шелковый или кашемировый. Мне нравилось быть хорошо одетым.

Что ж вы не раздеваетесь? Вон, на дверь повесьте. Там и крючок есть. И садитесь, пожалуйста. На стул или на лавку, куда хотите. Я только закончу эту табличку, уже чуть-чуть осталось. Дело бы шло быстрее, да руки уже не те. Нет, ревматизм. Теперь-то намного лучше. Почти все могу делать. Только на саксофоне играть не могу. Да, играл когда-то. А так — все могу. Даже, видите, таблички эти подновляю. Для этого твердая рука нужна. Труднее всего вот с такими маленькими буквами. Чуть кисточка вильнет — приходится бензином всю букву смывать и начинать заново.

Почему мне пришло в голову, что вы могли в те годы сюда за товаром приезжать? Ну, потому что вы ни с того ни с сего пришли ко мне за фасолью. Значит, видимо, знали, что здесь ее раньше сажали, и думали, что продолжают сажать. Человеку часто кажется: что в таких местах, где фасоль испокон веку сажают, может измениться? Но как вам удалось сохранить веру в то, что есть еще на свете такие вечные места? Вот что мне непонятно. Разве вы не знали, что места любят нас обманывать? Всё нас обманывает — что правда, то правда. Но места — больше всего. Если бы не таблички, я бы сам не был уверен, что это место — то самое.